

Ярмоленко 2001 – Ярмоленко М.И. Расселение и обустройство гагаузов в Бессарабии (XIX – нач. XX ст.). Автореф. дис. ... к.и.н. Львов, 2001.

I.A. Subbotina. The Gagauz: Population Dynamics and Changes in Settling Patterns (the Second Half of the 20th – Beginning of the 21st Century)

The last decades of the 20th century and the recent years have witnessed powerful transformations that affected many aspects of social life among the Gagauz – they had a serious impact on reproduction processes and weakened the demographic potential; they complicated migration paths and adaptive trajectories of the people; they also altered traditional settling patterns. These and other issues are discussed by the author who analyzes current tendencies and makes forecasts concerning the development of the ethnic group.

ЭО, 2008 г., № 5

© Т. Б. Смирнова

ОБЫЧАЙ ВЕНЧАНИЯ ПОКОЙНИКОВ У НЕМЦЕВ СИБИРИ

В 1936 г. в журнале "Советская этнография" была опубликована статья Е.Г. Кагарова "Венчание покойников у немцев Поволжья" (Кагаров 1936). А в 2007 г. в Касселе вышел сборник "Свадьба мертвых с венком и короной", подготовленный к открытию в местном музее одноименной выставки и посвященный символическому венчанию покойников в похоронном обряде в разных землях Германии (Totenhochzeit 2007). Эти публикации посвящены одной теме – обычаю "Totenhochzeit" ("Свадьба мертвых"). Но если немецкие исследователи описывают этот обычай "как архаичный реликт из древнего, суеверного времени", распространенный лишь до конца XIX в., то у российских немцев он сохранялся гораздо дольше, а в Сибири, особенно в сельской местности, он существует до настоящего времени.

В Германии издано достаточно большое количество работ, посвященных "свадьбе мертвых" и роли в ней венков и корон, начиная с книги Отто Шрадера, вышедшей в 1904 г. (Schradler 1904), и заканчивая названным выше сборником. Значительная часть литературы – это краеведческие работы. Как научная проблема "свадьба мертвых" впервые была поставлена Отто Лауфером в статье "Этнографический обычай использования корон покойников в Германии", вышедшей в 1916 г. (Lauffer 1916). После выхода статьи О. Лауфера, в 1920–1930-е годы был опубликован ряд работ регионального характера, в которых давалось описание данного обычая в разных землях Германии. Это статьи Отто Кункеля о коронах покойников в Гессене, Адольфа Якоби – в немецкой Швейцарии, Вильгельма Функа – во Франконии, Альберта Беккера – в Са-

аре и Йоханнеса Варнке – в Любеке и Лüneбурге (Totenhochzeit 2007: 12) Несмотря на изобилие публикаций первой половины XX в., наиболее полной и обобщающей представляется книга Эрнста Хельмута Зегшнайдера "Венок и корона в похоронах не состоявших в браке покойников", вышедшая в 1976 г. в Кёльне (*Segschneider* 1976). Зегшнайдер основывался на материалах Атласа немецкого народоведения, опубликованного в 1939 г. и содержащего сведения, собранные в 1930–1935 гг. Атлас был составлен на основе 20 тыс. анкет, вопросы которых касались различных культурных явлений, в том числе и "свадьбы мертвых". Эти материалы были вновь обработаны и прокомментированы Зегшнайдером.

В отечественной науке статьей Е.Г. Кагарова, собственно, и ограничиваются работы, посвященные похоронной обрядности у российских немцев. Так уж сложились обстоятельства, что исследования в области этнографии немецкого населения, начатые в середине 1920-х годов Г. Дингесом, А.П. Дульзоном и В.М. Жирмунским, были прерваны репрессиями. Г. Дингеса, возглавлявшего Центральный музей АССР немцев Поволжья и проводшего колоссальную работу по сбору этнографических материалов в поволжских колониях, в 1930 г. арестовали и сослали в Сибирь, где он и умер в 1932 г. В 1941 г. в Сибирь был депортирован, как и все немцы, А.П. Дульзон. Его работы томского периода принесли ему мировую известность; история сибирской диалектологии и археологии немислимы без имени А.П. Дульзона. К сожалению, продолжать свои исследования по немецкой диалектологии и этнографии он не имел возможности. Все работы в этом направлении были прекращены, и даже само упоминание о немцах России в публикациях стало проблематичным. Те же причины привели и к изменению направления научных исследований В.М. Жирмунского. В 1924–1927 гг. под его руководством проводилось систематическое обследование немецких диалектов в поселениях Ленинградской обл., Украины, Крыма и Закавказья. В экспедициях и с помощью рассылки анкет В.М. Жирмунский, кроме диалектных материалов, собирал сведения по фольклору и этнографии. Результаты этнографической работы нашли отражение в двух его статьях (*Жирмунский* 1927, 1933), но большая часть этнографических материалов была им не только не опубликована, но даже не обработана. Указанные авторы сделали описания календарной и свадебной обрядности отдельных немецких колоний, однако по похоронной обрядности и, в частности, по обычаю "свадьбы покойников" материалы не собирались.

Насколько нам известно, экспедиция Е.Г. Кагарова в Немецкую республику, которая состоялась в 1929 г., была единственной. В 1930-е годы Ленинградский и Саратовский центры по изучению немецких диалектов в Советском Союзе прекратили свою работу, а вместе с ними оказались прерваны и все этнографические исследования немецкой культуры. Можно сказать, что были репрессированы не только ученые, но и целое научное направление. Одно только перечисление имен тех ученых, которые стояли у истоков этнографического изучения российских немцев – Г. Дингес, А.П. Дульзон, В.М. Жирмунский, Е.Г. Кагаров – позволяет предположить, каких высот могло оно достигнуть, если бы не события 1930-х годов и депортация 1941 г.

Депортация и затянувшаяся реабилитация немецкого народа (разрешение вернуться в те места, откуда немцы были выселены, они получили только в 1972 г.) также не способствовали возобновлению исследований. Исключение – работы Т.Д. Филимоновой, работавшей в Институте этнографии АН СССР (*Филимонова, Шин* 1972, 1986). В ее статьях есть описание жилища, пищи, одежды, свадебной обрядности, однако сведений о похоронной обрядности не содержится. В дальнейшем Т.Д. Филимонова не имела возможности проводить полевые исследования. Поскольку этим кратким очерком

ограничиваются фактически все исследования обрядности российских немцев, проведенные до 1990-х годов, поэтому и неудивительно, что статья Е.Г. Кагарова – единственная работа, в которой упоминается обычай "венчать покойников" у поволжских немцев.

Между тем полевые исследования, проведенные в Сибири, свидетельствуют о широком распространении этого обычая среди немецкого населения вплоть до настоящего времени, а также о его особенностях по сравнению с встречающимися в литературе описаниями. Материалы по похоронным обрядам и обычаям собирались в экспедициях начиная с 1989 г. Наибольший массив материалов был собран в 1996–1998 гг., поскольку в это время проходила работа над нашей совместной с С.А. Рублевской монографией "Традиционная обрядность немцев Сибири". Основной целью этой работы являлась реконструкция календарной и семейной, в том числе и похоронной обрядности. В то время какого-либо анализа обряда "венчания покойников" не проводилось, хотя он, конечно, в книге упоминался, поскольку встречался повсеместно. Да и само название обычая хоронить незамужних девушек и неженатых юношей в качестве невест и женихов как "венчание" нами тогда не употреблялось. У самих немцев этот обычай называется "Totenhochzeit" – буквально "свадьба мертвых/покойников". Сейчас термин "венчание", который употреблял Е.Г. Кагаров, кажется нам более точным, отражающим суть обычая, поскольку именно брачный венец занимает в нем центральное место, о чем далее пойдет речь.

Опубликовать имеющиеся в нашем распоряжении полевые материалы представляется актуальным, поскольку, во-первых, со времени выхода статьи Е.Г. Кагарова прошло более 70 лет, однако о существовании этого обычая у российских немцев нигде больше не упоминалось. Во-вторых, немецкая обрядность в последние годы претерпевает значительные трансформации не только под влиянием современных форм культуры, но и в значительной степени под влиянием массовой эмиграции российских немцев в Германию. Эмиграция, которая имела широкие масштабы в 1990-е годы, привела не только к значительному снижению численности немцев в России, но и совершенно изменила облик немецких сел в Сибири, состав сибирских немецких групп, образ жизни, и, конечно, сказалась на обрядовой практике. Поскольку экспедиционные сборы были предприняты до начала эмиграционного движения, удалось зафиксировать многие элементы, детали обрядов, характерные для времени достаточно стабильного функционирования обрядовой сферы. Основной массив этой информации относится к 50–80-м годам XX в., хотя есть сведения, относящиеся и к более раннему, и более позднему периодам.

Экспедиции проводились в южных районах Западной Сибири, где проживает около половины всех российских немцев. В основном это Алтайский край, Омская и Новосибирская области, где на протяжении более 100 лет существовали и продолжают сохраняться места компактного проживания немцев в сельской местности. Следует отметить, что немецкая обрядность, в том числе и похоронная, имеет большое количество локальных вариантов, поскольку само немецкое население является гетерогенным по своему составу. Прежде всего среди немцев Сибири можно выделить потомков первых переселенцев конца XIX – начала XX в. и депортированных немцев и их потомков. Среди первых выделяются своей культурной спецификой поволжские, украинские, волынские, крымские немцы. Депортированные немцы также происходят из Поволжья и других регионов европейской части СССР. В последние годы в Сибири появилось много немцев из Казахстана, Узбекистана, Киргизии, куда они попали как в результате депортации, так и по другим причинам. По конфессиональной принадлеж-

ности это в основном лютеране, баптисты и меннониты, в меньшей степени – католики и пятидесятники. Этот сложный состав немецкого населения, а также постоянные перемещения, миграции (не случайно по отношению к российским немцам существует устойчивое определение "Volk auf dem Weg" – "народ в пути") обусловили высокую степень вариативности обрядности. Несмотря на существующее общее сходство похоронного обряда всех немцев Сибири, практически в каждом селе, в каждой деревне имеются отличительные особенности, присущие лишь данной группе немцев элементы указанного обряда и обычая "венчания покойников" в том числе.

Общая схема "Totenhochzeit" такова: в случае смерти девушки ее рассматривают как невесту, одевают в светлое (часто – белое) платье, а на голову надевают свадебный венок с фатой – Rosenkranz. Умерших неженатых юношей одевают в свадебный костюм – на лацкане пиджака с левой стороны крепится украшение из цветов и лент – Strauss. Если по какой-то причине светлое платье и костюм отсутствуют, молодых людей хоронят в обычной одежде, но венок и букет обязательны.

Е.Г. Кагаров, анализируя данный обычай у немцев Поволжья, не приводит его подробного описания (он лишь упоминает о похоронах девушки), уделяя основное внимание его объяснению и происхождению. Он пишет, что обычай этот возник "на почве первобытного представления о безусловной необходимости брака как в этой жизни, так и в загробной", и прошел в своем историческом развитии несколько ступеней. Древнейшей его формой было убийство и погребение девушки вместе с умершим юношей. Затем – совершение фиктивного бракосочетания умершего юноши с какой-либо девушкой, которая одевалась как невеста. Впоследствии «обряд еще более упрощается: умершую девушку одевают как бы под венец. Одновременно с этим происходит процесс переосмысления обычая; его объясняют представлением о необходимости брака и в земной жизни, и за гробом и связанной с этим представлением верой в "заложных покойников"» (Кагаров 1936: 108).

В принципе, такого же объяснения придерживаются авторы, анализирующие феномен "похорон/свадьбы" на материалах восточных славян. В частности, А.К. Байбурин и Г.А. Левинтон считают, что «полнота жизненного цикла ритуалов требует в случае невыполнения одного обряда включения его в следующий за ним обряд, поэтому похороны не просто "цитируют" свадьбу, а включают ее как обязательный компонент (более или менее полно выраженный)» (Байбурин, Левинтон 1990: 88). Для В.К. Соколовой, рассматривающей образ "свадьбы-смерти" в славянском фольклоре, основой для их сопоставления служит то, что они воспринимались как переход в новое состояние, как начало нового жизненного этапа (Соколова 1977: 195). Немецкие исследователи, имеющие в своем распоряжении не только этнографические, но и археологические материалы, согласны с этими положениями.

Сами немцы, наши информанты, объясняют этот обычай примерно так же: брак обязателен для любого человека. Поэтому если он не успел создать свою семью при жизни, нужно, чтобы он прошел через этот этап перед похоронами. Отличительной особенностью этого обычая у немцев является полное отсутствие возрастных границ у мертвых невест и женихов. Если у большинства народов обряд посмертного бракосочетания устраивается для девушек и юношей в возрасте, в котором принято вступать в брак или, по крайней мере, достигших половой зрелости, то у немцев нет никаких возрастных ограничений. Упоминания о подобных похоронах младенцев у славян являются единичными (Бузин 2003: 156). Немцы в Сибири устраивают "Totenhochzeit" для всех, не состоявших в браке – от грудных младенцев и до старых дев и холостых мужчин любого возраста.

Сведения об этом зафиксированы в полевых материалах. Так, в 2005 г. в д. Родная Долина Омской обл. удалось получить информацию о том, что в середине 1980-х годов здесь похоронили девушку в свадебном платье и венке, хотя ей исполнилось 32 года, потому что она была девственницей (МАЭ ОмГУ. Д. 182–2. Л. 81). В экспедиции 1999 г. в д. Миролюбовка Омской обл. (меннониты) нам подарили фотографию, на которой запечатлены похороны женщины 30 лет, также в свадебном платье и венке. Следует сказать, что покойница на фото выглядит намного старше, просто старухой, поскольку перед смертью долго болела. Тем не менее, по словам родственников, хоронить ее решили в свадебном наряде, потому что, умерев девственницей, она стала "христовой невестой" (МАЭ ОмГУ. Д. 181–3. Л. 37). Мужчины, не состоявшие в браке, также одевались как женихи. В экспедиции 1997 г. в д. Гришковка Алтайского края (меннониты) нам подарили фотографию, на которой запечатлены похороны мужчины около 40 лет в костюме с приколотым к груди "штраусом" – атрибутом костюма жениха. По словам родственников, он не был женат, так как в молодости сломал ноги и был инвалидом (МАЭ ОмГУ. Д. 181–1. Л. 9). Следует сказать, что таких случаев было зафиксировано немного, потому что холостыми и незамужними оставались лишь те, кто имел какие-либо физические недостатки. Российские немцы традиционно крайне отрицательно относятся к безбрачию. Неспособность создать семью считается явлением ненормальным, а такие люди – ущербными. Особенно строго к вопросам создания семьи относились в общинах меннонитов и баптистов. В этих общинах до сегодняшнего дня брак является делом общим, а не личным. Молодые люди, решившие вступить в брак, спрашивают на это разрешение общины и должны получить от нее согласие.

Средний брачный возраст составляет 18–25 лет у девушек и 18–27 лет у юношей. Принято, чтобы муж был немного старше жены, на 2–3 года. Лишь у вольнских немцев приветствовались браки, в которых жена могла быть старше мужа. В материалах экспедиций, помимо устных сведений об обязательном погребении молодых людей в свадебной одежде, имеются фотографии, на которых запечатлены такие похороны. Следует сказать, что фотоматериалы являются достаточно информативным источником. Во время экспедиций нам неоднократно приходилось присутствовать на похоронах взрослых людей, чаще пожилых. Детская смертность в 1990-е годы резко снизилась по сравнению с предыдущими десятилетиями, поэтому о похоронах молодых людей и "свадьбе покойников" мы можем судить только по рассказам и по подаренным нам фотографиям. Фотографий этих немало, поскольку немцы считают фотографирование похорон если не обязательным, то желательным. Немцы не поминают умерших ни на 9, ни на 40 дней, ни в годовщину смерти (лишь в последние годы они стали посещать кладбища в родительский день в основном под влиянием русских), поэтому фотография похорон является фактически единственным напоминанием о моменте смерти близкого человека. Благодаря этому обстоятельству наш архив имеет достаточно большое количество похоронных фотографий, в том числе и фотографий "венчания покойников"¹. Так, имеется фото, сделанное в 1941 г. в Омске, 20-летнего молодого человека (поволжский немец, лютеранин), погибшего незадолго до свадьбы. Помимо того, что на его груди находится свадебный цветок, весь гроб заполнен живыми и искусственными цветами (МАЭ ОмГУ. Д. 95–2. Л. 32). Цветы в гробу – это тоже отличный признак "свадьбы мертвых", потому что в остальных случаях в гроб ничего класть не принято. Обычно немцы хоронят в гробах черного цвета, в гроб либо не кладут ничего, либо кладут зеленые ветки папоротника "имегрин", либо еловые ветки. Детей и молодых людей хоронят в гробах белого, реже – голубого (в основном

Рис. 1. Похороны девочки 7 лет в свадебном платье и венке. С. Новоскатовка Омской обл. 1995 г. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. I

у лютеран) цвета. В этом случае в гробу находится очень много цветов, особенно в изголовье.

В нашем архиве имеются фотографии похорон молодых людей и девушек в свадебных костюмах из с. Ананьевка, Николаевка, Редкая Дубрава Алтайского края, сделанные в 1957–1985 гг. Кроме того, имеется фотография похорон семьи, все члены которой погибли, из с. Кусак Алтайского края, сделанная в 1950-е годы. Взрослые члены семьи – в обычной одежде, а дети (три мальчика и девочка) – в свадебной (МАЭ ОмГУ. Д. 95–2. Л. 13, 46. Д. 181–1. Л. 2, 10, 12).

Самое большое количество материалов относится к похоронам детей. Это 20 фотографий, в том числе 9 – похороны младенцев, умерших в возрасте от нескольких дней до одного года. По словам информантов, девочек хоронили в венках в любом возрасте, "хоть ей был месяц, хоть неделя или еще меньше" (МАЭ ОмГУ. Д. 181–3. Л. 40). В некоторых случаях венок надевали поверх чепчика. Мальчикам укладывали цветы в изголовье и на грудь. Цветами украшали и гроб, и крышку гроба, и крест. В могилу также бросали цветы. В с. Цветнополе Омской обл. была записана информация о том, что если умерший – молодой человек, не имевший собственного дома, такой "дом" ему делали: могильную яму обмазывали глиной, белили и расписывали орнаментом (МАЭ ОмГУ. Д. 171–1. Л. 22).

Сам процесс проведения "Totenhochzeit", хотя и незначительно, но отличался от похорон взрослых. Так, могилу копали молодые люди. Гроб незамужней девушки должны были нести до кладбища молодые неженатые парни. На похоронах юношей цветы и венки перед гробом несли молодые девушки. Они плели венки из полевых цветов или (по более поздним источникам) вплетали полевые цветы в венки из искусственных цветов. Проповедь на похоронах взрослых обычно касается их жизни, на похоронах молодых людей она включает в себя наставления родителям, поскольку смерть ребенка – это, как считается, наказание родителей за их грехи. На похоронах младенцев иногда пели детские песни, которые обычно матери поют своим детям. У поволжских немцев была зафиксирована информация о том, что если хоронили девушку, которая должна скоро выйти замуж, то исполняли одну свадебную песню, как правило,

печальную (МАЭ ОмГУ. Д. 189–1. Л. 35, 36, 64, 66). Каких-либо обычаев, связанных с "веселением" покойников, зафиксировано не было.

Сведения о "венчании покойников" были собраны во всех группах немцев. Еще Е.Г. Кагаров, анализируя этот обычай у поволжских немцев, совершенно исключил возможность его заимствования у славянского населения. Ссылаясь на немецкую народоведческую литературу, он писал о том, что этот обычай встречается у многих народов, а также засвидетельствован в некоторых землях Германии – в Вестфалии, Эйхсфельде и других местностях (Кагаров 1936: 107). Немецкие авторы пишут о том, что обычай "Totenhochzeit" получил широкое распространение во многих германских землях, эпицентром его распространения были Гессен, Тюрингия, Бавария, Бранденбург и Нижняя Саксония (Totenhochzeit 2007: 9). Из этих земель происходила значительная часть переселенцев в Россию с 1764 г. и до середины XIX в. Можно с большой степенью уверенности говорить о том, что немцы принесли этот обычай с собой сначала из Германии в колонии, образованные в европейской части России, а впоследствии – и в Сибирь.

Скорее всего, сохранение обычая хоронить в свадебной одежде детей и младенцев связано со временем переселения немцев в Россию. Можно предположить, что в XVIII в. этот обычай был распространен если не повсеместно, то достаточно широко и у многих народов, во всяком случае, европейских. Это объясняется отсутствием в то время четких представлений о границах детства и отношением к детству вообще. Можно сослаться на мнение Филиппа Арьеса, который пишет о том, что для того времени характерна возрастная неопределенность, детство не осознавалось как нечто особенное, а дети – это "взрослые уменьшенных размеров" (1999: 47, 137). И.С. Кон также считает, что "признание за детством автономной, самостоятельной социальной и психологической ценности" произошло только в новое время (2003: 7). Изменение отношения к детству в европейской культуре, которое произошло в XVIII и XIX вв., выделение в нем определенных периодов (по крайней мере, рубежей рождения, крещения, конфирмации и совершеннолетия), повлекло за собой и изменения в обрядности, в частности, к быстрому исчезновению обычая "венчать" умерших детей.

У российских немцев этот обычай продолжал существовать по нескольким причинам. Во-первых, у них долгое время сохранялись традиционная структура семьи и патриархальные внутрисемейные отношения. Хотя отношение к детям и к периоду детства не было одинаковым, эти изменения оказывались не столь значительными, как в Германии.

Во-вторых, границы детства продолжали оставаться нечеткими. Крещение и конфирмация не привязаны жестко к определенному возрасту. У католиков и лютеран детей крестили тогда, когда приезжал священник, а он в отдаленное сибирское село мог приехать один раз в пять лет. Хотя, конечно, старались окрестить детей пораньше, "года в два-три". В сельских общинах конфирмация не проводилась вообще. В общинах меннонитов и баптистов крестили в "сознательном" возрасте, начиная с 18 лет. Дети в этих общинах разделяются на группы, но при этом учитывается не столько возраст, сколько способности каждого конкретного ребенка. При подобном отношении к детству, как довольно аморфному периоду, критерий девственности для проведения "венчания покойников" был важнее критерия достижения брачного возраста.

В-третьих, в Германии к обычаю "похорон-свадьбы" резко отрицательно относилась церковь. В России немецкие религиозные общины какой-то усиленной борьбы с "язычеством" не вели. Их усилия были сосредоточены на другом – сохранении в чистоте веры предков. Поэтому многие обычаи, привнесенные из Германии, сознатель-

Рис. 2. Венок и цветочная гирлянда, которые использовались на похоронах девочки. Выставка в музее г. Касселя (Германия) 2007 г. Фото Мартина Лёше

но культивировались, поскольку их отличала "немецкость", а о позиции официальной церкви немецкие общины в Сибири просто не имели представления. Не случайно наибольшая степень сохранности этого обычая была отмечена у меннонитов, которых вплоть до последнего времени отличал сознательный изоляционизм. В этих условиях сохранение "венчания покойников" по отношению ко всем, не вступившим в брак, в том числе и к маленьким детям, вполне объяснимо.

С сентября 2007 по март 2008 г. в музее г. Касселя (Museum für Sepulkralkultur) земли Гессен проходила выставка, на которой были представлены венки и короны, использовавшиеся в "свадьбе мертвых". Экспонаты этой выставки позволяют судить как о сходстве, так и о различиях между обычаями "Totenhochzeit" в германских землях и у немцев Сибири. Самые ранние венки и короны (Totenkronen), представленные на выставке, относятся к XVI в. С этого времени в венках и коронах не хоронили, а, используя в процессе похорон (их клали на гроб и несли перед гробом), передавали в церковь, где хранили в специальных футлярах. Такие же футляры, представляющие собой деревянные ящики со стеклянной крышкой, мы встречаем в сибирских селах, с той лишь разницей, что в них хранятся свадебные венки. Девушка, выйдя замуж, хранила свой свадебный венок в течение всей жизни. Обычно футляр с венком подвешивался на стену над супружеской кроватью.

Короны из металла, представленные на выставке, в Сибири не встречаются. Видимо, это связано с тем, что короны, во-первых, были распространены не повсеместно, а во-вторых, время их наибольшего распространения относится к XVI–XVIII вв., к моменту же переселения немцев в Россию, в конце XVIII в., использование венков вместо корон резко увеличивается. Эти венки, во всяком случае, многие из них, обнаруживают большую степень сходства с венками у российских немцев. В Сибири свадеб-

Рис. 3. Молодожены: на невесте традиционный венок, на груди – цветочная гирлянда, у жениха на груди – свадебный букет. С. Цветнополе Омской обл. 1964 г. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. I

ные венки (как и венки для похорон) делали кустарным способом. Занимались этим женщины, почти в каждом селе были мастерицы, изготавливающие венки. Их искусство высоко ценилось и, как правило, это умение передавалось по наследству дочерям. Венок представлял собой высокую корону из цветов и листьев, которые отливались из воска или парафина, в последние годы венки стали чаще делать из бумаги или ткани. Для украшения венков использовали "кносп" – гроздь мелких шариков, которые получали, обмакивая конец свиной щетины в воск. Позже венки стали украшать блестками, бусами, вместо свиной щетины использовали проволоку.

Венок представлял собой довольно сложную конструкцию. Цветы крепились на проволочный каркас, который был обернут папиросной бумагой или тканью. Раньше венки состояли из трех частей: головной, наплечной и нагрудной. Затем венки значительно упростились, а с 1980-х годов традиция их изготовления начинает исчезать, в настоящее время венки покупают в свадебных салонах. То же можно сказать и о нагрудном украшении жениха. Нагрудный букет ("штраус", "шлюп") делали так же, как и венки. К нему крепились длинные светлые (чаще белые) ленты. На свадьбе у жениха эти ленты были очень длинные. По традиции, концы этой ленты должны были касаться земли. Считалось, что чем длиннее лента, тем продолжительнее будет совместная жизнь молодоженов. Ленты у покойников были короче, у мальчиков – совсем короткие или отсутствовали вообще, ведь жизнь их была совсем короткой.

Возможно, что длительное сохранение обычая "венчать покойников" у немцев Сибири связано, в числе других причин, с той ролью, которая отводилась венку в свадебном обряде. Обязательным элементом немецкой свадьбы является ритуал снятия венка с невесты (так называемый ритуал очепления). В этнографической литературе существует мнение, что в Германии в конце XIX – начале XX в. обычай очепления встречался уже очень редко (Филимонова 1989: 36). У немцев Сибири, однако, этот обычай повсеместно распространен до настоящего времени. Раньше после снятия вен-

ка на молодую было принято надевать чепец, про новобрачную говорили, что она "идет под чепец" ("kommt unter die Haube"). Позже вместо чепца стали использовать платок (в некоторых деревнях чепчик невесте надевали вплоть до 1970-х годов), но сам ритуал фактически не изменился. В полночь новобрачных усаживают в центре комнаты. Гости становятся вокруг и поют песню (как правило, это песня о прекрасной молодости "Schön ist die Jugend"). В разных селах поют и другие песни, например, песню о снятом венке или другие песни подобного содержания. В д. Поповка Омской обл. этот ритуал носит название "отпевание венка" (МАЭ ОмГУ Д. 83–2. Л. 3, 4). В ряде деревень жених тоже проходит через обряд перехода из группы холостых в группу женатых мужчин. С его головы снимают головной убор (шляпу, шапку или кепку), а с груди – букет.

Вообще, свои варианты этого ритуала есть практически в каждой деревне. Возможно, это связано с его значением, он занимает центральное место в свадебном обряде. Поэтому его проведение четко регламентировалось. Этот ритуал старались исполнить точно так же, как это делали раньше, соблюдая традиции. В случае смешанных браков придерживались правил той общины, в которой проводилась свадьба. Даже если свадьба проводилась в городе, даже если брак заключался с людьми других национальностей, "немецкая сторона" все равно проводила этот ритуал. В настоящее время большинство браков, которые заключают немцы – национально-смешанные (более 60% в сельской местности и более 90% в городах). И в этих случаях часто приходится слышать, что "свадьба была по-немецки, веночек снимали". Этот факт подтверждает принципиальное значение снятия венка в структуре немецкой свадебной обрядности.

Не подлежит сомнению, что венок раньше был символом невинности. Г.С. Масло-ва, посвятившая в своей книге специальный раздел девичьим головным уборам, считала, что "венок символизировал девство" (1984: 50). О том, что корона и венок символизируют "девственность как примерную, достойную добродетель", пишут и большинство немецких авторов (Totenhochzeit 2007: 12). В Сибири на свадьбе, если невеста выходила замуж не девственной, гости могли сорвать с головы невесты венок и повязать ей на голову черный платок. Это считалось большим позором, и свадьба после этого прекращалась. Женщины и вдовы, повторно выходящие замуж, никогда не надевали свадебный венок. В некоторых деревнях женщина могла надеть венок только на серебряную или золотую свадьбу, но фата к такому венку не крепилась. В настоящее время запрет на добрачную половую жизнь соблюдается в общинах меннонитов и баптистов. В большинстве же случаев сейчас венок на невесте – это уже не символ девственности, а скорее символ проведения свадьбы по немецким обычаям.

Сохранение венка в свадебном обряде влекло за собой и сохранение его в похоронном обряде. Правда, большинство пожилых людей осуждает, например, распространившийся ныне обычай устраивать обильную трапезу после похорон, а тем более пить спиртные напитки. Раньше после похорон подавали только булочки "кухе" и кофе, в редких случаях – зерновую кашу. Если сейчас на стол подают, кроме этих блюд, мясо, капусту, колбасу, желающим наливают водку, то старики ворчат, что "наготовили на похороны, как на свадьбу".

Безусловно, основной причиной длительного сохранения обычая "венчать покойников" у немцев Сибири является консервация архаики в условиях изоляционного развития. Давно замечено, что иноэтничное окружение способствует консервации традиционных форм духовной культуры. Связи немецких колоний в России и в XVIII, и в XIX вв. с германскими землями были нерегулярными и ограничивались в основном рели-

гиозной сферой или школьным образованием. В XX в. дистанция между культурными процессами в Германии и в России еще больше увеличилась, тем более в Сибири, и тем более – в условиях депортации и правовой дискриминации немцев.

Многие из тех германских ученых, с которыми нам приходилось работать во время выполнения совместных проектов, побывав в немецких селах, говорили: "Они живут в XVIII веке!". Конечно, это не так, по сравнению с XVIII в. произошли огромные изменения. Скорее, это мнение подчеркивает ту дистанцию, которая существует между обрядностью российских немцев и обрядами в современной Германии. Но сохранение некоторых обрядов и обычаев, бытовавших в германских землях в XVIII в., которые в современной Германии унифицированы либо полностью утрачены, не подлежит сомнению.

В заключение следует сказать, что немцы, проживающие в Сибири, являются носителями своеобразной, уникальной культуры. В ней органично сочетаются традиции, существовавшие еще в германских землях и сформировавшиеся в материнских колониях европейской части России до переселения в Сибирь, где немецкая обрядность находилась под влиянием многих факторов, в частности, под влиянием русских обрядов, а в последние годы добавился еще один культурный пласт – культура современной Германии, которая через литературу, видео, личные контакты и впечатления активно проникает в жизнь немцев Сибири.

Несмотря на то, что обычай "венчать покойников" сохраняется у немцев Сибири до настоящего времени, вряд ли ему суждена долгая жизнь. Сейчас уже нет такого строгого отношения к девственности молодоженов, как раньше. В результате эмиграции снизилась не только численность немцев (с 417 тыс. до 280 тыс. чел. в областях Западной Сибири), но и количество сел и деревень, где немцы живут компактно. Практически исчезли существовавшие в недавнем прошлом большие сельские общины, а вместе с ними – и традиция коллективного исполнения обрядов.

Примечание

¹ Фотографии размещены в разделе "Этнофото" на сайте кафедры этнографии и музееведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (<http://ethnography.omskreg.ru/>).

Литература

- Аръес 1999 – Аръес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург, 1999.
- Байбурин, Левинтон 1990 – Байбурин А.К., Левинтон Г.А. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: погребальный обряд. М., 1990. С. 64–99.
- Бузин 2003 – Бузин В.С. Традиционная погребально-поминальная обрядность Тамбовщины // Университетский историк: Альманах. Вып. 2. СПб., 2003. С. 149–172.
- Жирмунский 1927 – Жирмунский В.М. Этнографическая работа в немецких колониях Украины и Крыма // Этнография. 1927. № 2. С. 13–26.
- Жирмунский 1933 – Жирмунский В.М. Итоги и задачи диалектологического и этнографического изучения немецких поселений СССР // Сов. этнография (далее – СЭ). 1933. № 2. С. 84–112.
- Кагаров 1936 – Кагаров Е.Г. Венчание покойников у немцев Поволжья // СЭ. 1936. № 1. С. 106–108.
- Кон 2003 – Кон И.С. Ребенок и общество. М., 2003.
- Маслова 1984 – Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984.
- МАЭ ОмГУ – Архив Музея археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Ф. I.
- Соколова 1977 – Соколова В.К. Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности (образ свадьбы-смерти в славянском фольклоре) // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977. С. 188–195.

- Филимонова 1986 – Филимонова Т.Д. Об этнокультурном развитии немцев СССР // СЭ. 1986. № 4. С. 100–111.
- Филимонова 1989 – Филимонова Т.Д. Немцы // Брак у народов Западной и Южной Европы. М., 1989. С. 5–43.
- Филимонова, Шин 1972 – Филимонова Т.Д., Шин М.Ф. К вопросу об этнокультурном развитии немцев Закарпатья // Карпатский сб. М., 1972. С. 116–138.
- Lauffer 1916 – Lauffer O. Der volkskundische Gebrauch der Totenkronen in Deutschland: Zeitschrift für Volkskunde. 1916. № 26. S. 225–246.
- Schrader 1904 – Schrader O. Totenhochzeit. Ein Vortrag gehalten in der Gesellschaft für Urgeschichte zu Jena. Jena, 1904.
- Segschneider 1976 – Segschneider E. Totenkranz und Totenkrone im Ledigenbegräbnis. Nach einer Dokumentation des Atlas der Deutschen Volkskunde: Amt für Rheinische Landeskunde // Volkskundige Untersuchungen in Rheinland. Bd. 10. Köln, 1976.
- Totenhochzeit 2007 – Totenhochzeit mit Kranz und Krone: Zur Symbolik im Brauchtum des Ledigenbegräbnisses. Kassel, 2007.

T. B. S m i r n o v a. The Wedding of the Dead among the Germans of Siberia

The Totenhochzeit custom, also known as the wedding of the dead, has drawn the attention of ethnographers at least from the 1936 article by E.G. Kagarov, published in the Soviet Ethnography journal, to the 2007 collection of essays, "The Wedding of the Dead with a Wreath and a Crown", which was prepared for a scholarly exhibition in Germany. The author investigates the custom among the Germans of Siberia by drawing on own field data collected in 1989–2007 in the Omsk, Novosibirsk, and Altai regions. She compares the custom to similar rites observed among Slavic peoples and analyzes the differences between its traits and manifestations and those that exemplify the custom as existing in the folk culture of Germany.

ЭО, 2008 г., № 5

© А. С. Кочкунов

ЖИЛИЩЕ В СИСТЕМЕ ТРАДИЦИОННОЙ ПОХОРОННО-ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КЫРГЫЗСКОГО НАРОДА (НА ПРИМЕРЕ ЮРТЫ)

Похоронно-погребальная обрядность – важный элемент этнической культуры народа. Информация, содержащаяся в ней, при внимательном изучении и сопоставлении с аналогичными материалами у целого ряда этнически близких народов может пролить свет на многие аспекты этнокультурного развития кыргызского народа.

Жилище кыргызов в контексте похоронно-погребальной обрядности специально не рассматривалось. Отдельные аспекты затрагивались в связи с исследованием материальной культуры (Антипина 1962), культа умерших и предков (Абрамзон 1990: 334–353), доисламских верований (Баялиева 1972: 58–94). Источниковедческую ценность представляют материалы Ф.А. Фиельструпа, который в 1920-е годы собирал полевые материалы по различным темам этнографии кыргызского и других тюркских народов Центральной Азии, в том числе по интересующей нас теме (Фиельструп 2002).

Айдарбек Сулайманкулович Кочкунов – кандидат исторических наук, проректор по учебной и научной работе Восточного университета им. Махмуда Кашгари-Барскани (Кыргызстан, г. Бишкек); e-mail: aidar.k@mail.ru